

И. Ф.
ГОРБУНОВ

Сочинения

Иван Федорович Горбунов

Просто случай

(Сцены из купеческого быта)

«Ну, Бог с ней! Ведь Бог все видит!.. Отец и денно, и
нощно пекся об ней, а она против родителя... Захотелось
вишь благородной, барыней быть захотелось!..
Ведь она, матушка, без моего благословения с барином
под венец-то пошла. Да я ей, матушка, и то простил. Я
ей все отдал: все, что еще старики накопили, я ей от-
дал. На, дочка, живи, да нашу старость покой, а она...
ну, Бог с ней! Ты подумай, матушка, кабы я пьяница
был...»

Содержание

#1	0005
ЯВЛЕНИЕ I	0006
ЯВЛЕНИЕ II	0011
ЯВЛЕНИЕ III	0015
ЯВЛЕНИЕ IV	0019
ЯВЛЕНИЕ V	0022
ЯВЛЕНИЕ VI	0024
ЯВЛЕНИЕ VII	0028

Иван Федорович Горбунов

Просто случай

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Иван Петрович Вихров, купец, 50-ти лет.

Настасья, жена его.

Дарья Спиридоновна, двоюродная сестра его.

Акулина Андреевна, купчиха, вдова.

Петр Амосович, обедневший купец, проживающий в доме Вихрова.

Щурков, неопределенная личность.

Кухарка в доме Вихрова.

ЯВЛЕНИЕ I

НАСТАСЬЯ КЛИМОВНА сидит за столом и плачет. **ДАРЬЯ СПИРИДОНОВНА** входит.

Настасья Климовна.

А уж я, кумушка, за тобой посылать хотела.

Дарья Спиридоновна.

Что это вы, сестрица? Что с вами?

Настасья Климовна.

Нужна ты мне больно. Садись-ка.

Дарья Спиридоновна.

Крестник вам кланяется, сестринька. Ведь уж он у нас, сестрица, на Покров стал дыбочек стоять... А я все эти дни-то измучилась, сестринька: ведь у меня, внизу, жилец третий месяц ни копейки не платит.

Настасья Климовна.

Что твое горе, кумушка!.. Моего-то ты горя не знаешь.

Дарья Спиридоновна (с удивлением).
Да что у вас такое?

Настасья Климовна (сквозь слезы).
Ведь Иван-то Петрович четвертый день до-
мой глаз не показывает.

Дарья Спиридоновна.
Что вы? Да как же это?

Настасья Климовна.
Так. Уехал к городовому[1], да вот...

Дарья Спиридоновна.
На своей лошади-то?

Настасья Климовна.
На своей. Да и лошади-то нет. Бог знает,
что с ним делается теперь. (Плачет).

Дарья Спиридоновна.
Что ж вы так убиваетесь-то, сестрица? Его
дело мужское: может что и нужное делает.

Настасья Климовна.

И ведь никогда с ним этого не было. Вот двадцать лет живем – в первой такая оказия.

Дарья Спиридоновна.

Вы бы, сестрица, на картах разложили.

Настасья Климовна.

Раскладывала, да ничего не действует. Веришь ли Богу, кумушка, вся душенька-то у меня выболела. Чего-чего уж я не придумала: и убили-то его, и утонул-то он, и с Ивана Великого как не упал ли...

Дарья Спиридоновна.

Что это вы какие мнительные! Молоденький, что ли, он?... Пойдет он на Ивана Велико-го!.. Его и на парадное крыльцо ведут под руки...

Настасья Климовна.

Да ведь все может быть... Вот нонче сон опять какой страшный...

Дарья Спиридоновна.

А вы что видели, сестрица?

Настасья Климовна.

Ох!.. Вот вишь ты: будто бы я стою на горе...

Дарья Спиридоновна.

Да-с.

Настасья Климовна.

Только будто бы Иван-то Петрович, пьяный-распьяный, стоит да на меня пальцем грозит.

Дарья Спиридоновна.

Ишь страсти какие!

Настасья Климовна.

А лошадь-то, будто бы...

Дарья Спиридоновна.

Вы бы, сестрица, к Ивану Яковлевичу съездили. Я к нему за всяким делом хожу. Вот, бывало, мой покойник запыет – я и к нему. Бывало, только и спросишь: Иван Яковлевич, что

будет рабу Симиону? Сейчас скажет, али так на бумажке напишет.

Настасья Климовна.

Боюсь я одного, кумушка, как он да нехристианскою смертью помер-то. *(Плачет)*.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и АКУЛИНА АНДРЕЕВНА.

Настасья Климовна.

Матушка, Акулина Андреевна, не знаешь ты моего горя... не пожалеешь ты меня...

Акулина Андреевна.

Пожалела бы я тебя, когда бы не так глупа была.

Настасья Климовна (*вскакивая со стула*).

Да вы разве, голубка, слышали что?

Акулина Андреевна.

Это вот ты тут на боку-то лежишь, а я все документы разведала.

Настасья Климовна (*бросаясь к ней*).

Матушка, успокой ты меня, скажи, что с ним сделалось? Какой он смертью-то помер?

Акулина Андреевна.

Еще он нас с тобой переживет... Да кабы на

мой ндрав такие дела, да я бы его... На что это похоже? Пристало ли старику...

Настасья Климовна.

Да где же он?

Акулина Андреевна.

Да у меня волос дыбом стал, как мне сказали... И ты дура будешь, если не сделаешь по моему. Да я бы из его бороды весь пух повищипала! Он, матушка ты моя, не тебе будь сказано, изволит в Марьиной роще с цыганами...

Настасья Климовна.

Ах!..

Акулина Андреевна.

Все с себя пропил. Лошадь-то ваша теперь в депе, вчера в депо взяли: пьяный Тимошка задавил кого-то.

Дарья Спиридоновна.

Что это вы, Акулина Андреевна, во сне, или к зубам? Да разве братец пьет?

Акулина Андреевна.

Уж молчи, коли тебя Бог обидел... Потакай пьяницам-то! Твой такой же сокол был, вспомни-ка, сколько раз...

Дарья Спиридоновна.

Уж вы всегда бедных-то людей.

Акулина Андреевна.

Да ты роли-то не представляй! (*Обращаясь к Настасье Климовне*). Ну, что ты, матушка, стоишь-то? Одевайся. Тащи его домой, да опозорь его хорошенько, да в бороду-то ему наплюй при всем честном народе, чтоб он блажь-то в голову не запускал.

Дарья Спиридоновна.

Что ж, сестрица, поезжайте! Может с братцем, в самом деле, какое несчастье: он вас-то скорей послушает?

Настасья Климовна.

А ну, как он да без нас сюда приедет!

Акулина Андреевна.

Точи лясы-то! (Берет ее за руку и уводит).

ЯВЛЕНИЕ III

Кухарка *(из дверей)*.

Что, матушка, искать поехали? Да уж где найти! Ты, Спиридоновна, этому не дивуйся: это он от ней и бедствует-то. Я, матушка, у господ жила, да такой маи-то не привидывала. Бывало, барыня прикажет тебе распорядиться там, а эта день-то-деньской торчит все в кухне, да по горшкам нюхает. А ругаться-то пойдет... да я такой обидчицы в жизнь мою не привидывала! И такая-то ты, и сякая-то ты... тьфу! Ведь у них, матушка, за что дело-то вышло: намедни сидят они так-то за чаем, а она ему все в уши: пиши, говорит, духовную: не ровен час – помрешь, меня по мирупустишь. А он так-то залился слезами: да что ж, говорит, уж ли тебе, говорит, моей смерти пожелалось?.. Уж она у нас, матушка, такая клятая; у них и род-то весь такой. Вот когда сестра ее придет, семь разов в день самовар поставишь...

Дарья Спиридоновна.

Вижу, красавица, сама вижу, какие она с

ним язвы-то делает. Уж она испокон веку такая мытарка была: через ее милость и мы в бедность произошли. Это братца Бог наказывает за то, что он родных не послушал, против нашей воли женился. Мы ему тогда говорили: погодите, братец, мы вам худа не желаем, свет-то ведь не клином сошелся, мы вам найдем невесту богатую, из хорошего рода. – Нет, говорит, не могу с своим сердцем управиться. Вот теперь и управляйся!

Кухарка.

Да она, должно, проворожила его.

Дарья Спиридоновна.

Нет, матушка, ему судьба такая, его опутали. Взял-то он ее в одном платьишке; обул, одел ее, салопов ей разных нашил. Как поступила она в богатство-то – и давай мудровать! И то не так, и другое не так. Иван-то Петрович терпел-терпел, да с горя-то, должно быть, и запил.

Кухарка.

Э!

Дарья Спиридоновна.

Так мы, матушка, и обмерли! Да четыре года после этой оказии и курил. Чего-чего тогда с ними не делали, чем-чем не лечили...

Кухарка.

Как же остановили-то?

Дарья Спиридоновна.

А вот, вишь ты. Сидим мы так-то раз да и плачем. Экое, я говорю, нашему роду пострамление! А молодая-то хозяйюшка стоит перед зеркалом да ломается. Я и говорю: что это, говорю, Настасья Климовна, неужели на тебе креста-то нет! Мы, говорю, все в таком несчастье находимся, а тебе и горюшка мало! Она, этак, вывернулась фертном: мне-ста, говорит, что за дело? Я его не неволю пить-то... Такое-то меня зло взяло! Я, с сердцов-то, и наступила на нее. Да от кого ж он, говорю, пьет-то? Ты, говорю, в наш дом несчастье принесла! Только мы кричим, а Иван-то Петрович что-то и застучал. Я к двери-то, думаю, – не померли. А он, матушка ты моя, ходит по горнице,

да все руками отмахивается... так-то все отмахивает... Махал, махал, да как грохнется!.. и сделался вот, надо быть, мертвый. Как очнулся то и говорит: мне, говорит, было видение? – Я и говорю: какое же вам братец, было видение? – Не велено, говорит, сказывать. Все, говорит, можно сказать, только одного слова нельзя говорить.

Кухарка.

Да, вот тоже, как я у господ жила, так барской камардин так-то помер, – запил тоже, да на другой день и очнулся. Стали его допрашивать, – все сказал, только одного слова не допросили.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и АМОСОВИЧ

Амосович.

Что, матушка, не слышать ли чего?

Дарья Спиридоновна.

Ах, Амосыч, пропала наша головушка!
Ведь запил!

Амосович.

В такую, знать, компанию попал... в пьющую... Эхма! Слабостям-то мы, матушка, больно подвержены; тешим плоть свою на сем свете, а об часе-то смертном не подумаем. А ведь окаянному это на руку: он в те поры так за нами и ходит, так в греховные узы-то нас и опутывает...

Дарья Спиридоновна.

Давно я тебя не видала, Петр Амосыч. Что дочка-то твоя?

Амосович.

Ничего... живет. Видел наемдни в соборе. Хотел было подойти, да боюсь – огорчишь: ведь барыня; против других совестно будет, вишь я какой! А то вот зимой-то ходил с ангелом поздравить, да на глаза-то не приняла: гостей, говорит, много. Посидел там у них в кухне, погрелся. Спасибо, кухарка у них такая добрая, рюмочку поднесла, да обедать с собою посадила... А экономка с лакеем двугривенничек выслала... все добрые люди, матушка. Вот теперь хоть бы Иван Петрович: фатерку мне дает, все у меня свое тепло есть, а то, зимнее-то дело, ложись да помирай. Что говорит, матушка, не легко есть чужой хлеб, коли сам народ кормил... Совестно матушка! Иной раз пораздумаешься – кусок в горло нейдет...

Дарья Спиридоновна.

Что ж вы у дочери-то не живете? Неужели на ней креста-то нет, что она вас на старости и согреть не хочет? Неужели она не боится божеского наказания?

Амосович.

Ну, Бог с ней! Ведь Бог все видит!.. Отец и

денно, и ночью пекся об ней, а она против родителя... Захотелось вишь благородной, барыней быть захотелось!.. Ведь она, матушка, без моего благословения с барином под венец-то пошла (плачет). Да я ей, матушка, и то простил. Я ей все отдал: все, что еще старики накопили, я ей отдал. На, дочка, живи, да нашу старость покой, а она... ну, Бог с ней! Ты подумай, матушка, кабы я пьяница был... *(За сценой голос Ивана Петровича: «в гостях хорошо, а дома лучше»)*.

ЯВЛЕНИЕ V

ВИХРОВ очень навеселе и ЩУРКОВ.

Вихров (сходя).

*Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отвори-ка ворота.*

Вот мы к тебе вся компания!

Амосович.

Эх, Иван Петрович, на старости ты лет...

Вихров.

Что ты мне можешь препятствовать? Вон сейчас! Ты моей милостью на свете живешь. Я тебя с лица земного сотру! Вон!

Дарья Спиридоновна.

Здравствуйте, братец.

Вихров.

А, сестрица любезная! А где жена?

Дарья Спиридоновна.

Ее нет, братец.

Вихров.

Зачем же ты на мои глаза показалась?

Дарья Спиридоновна.

Я навестить вас пришла, братец.

Вихров.

Ладно, ступай в свое место. (*Обращаясь к Щуркову*). Ну, ты, прощальга! представляй киятры.

Щурков.

Это можно-с, только гитарки-то нет-с.

ЯВЛЕНИЕ VI

Настасья Климовна (*вбегают*).

Да что это ты, батюшка, вздумал на старости лет крамольничать-то?

Вихров.

Молчать! Ходи в страхе! Топну ногой – понимай что значит.

Настасья Климовна (*к Щуркову*).

Ты что за человек?

Вихров.

Гони его по шее: это грабитель.

Щурков.

В гости звали, да и гнать-с!

Вихров.

Сволочь! Вот мы как об тебе понимаем (*опускает голову на стол*).

Настасья Климовна.

Вон, вон!..

Щурков.

Конечно, сударыня, средства мои не позволяют мне быть хорошо одетым, но и в несчастном положении я сохранил благородные чувства. Конечно, благодетель мой в таком виде, и отрекомендовали меня...

Настасья Климовна.

Ступай, ступай!

Щурков.

Позвольте мне, как благородному человеку, просить рюмку водки.

Настасья Климовна.

Да с чего ты взял? Пришел в чужой дом незванный и непрошенный...

Щурков.

В таком случае, позвольте мне с вами проститься.

Настасья Климовна.

Прощай, батюшка, ничего...

Амосович.

Ступай, коли говорят, ступай...

(Щурков подходит к Настасье Климовне и протягивает ей руку).

Настасья Климовна.

Это ты что еще выдумал?

Щурков.

Я уважаю вас, как строгую женщину, а потому прошу позволения поцеловать вашу руку.

Настасья Климовна.

Нет, батюшка, мы отродясь такими делами не занимаемся.

Щурков.

Как вам угодно-с. Впрочем, если вам не будет составлять беспокойства, позвольте мне рюмку водки.

Настасья Климовна.

Вон!

(Щурков медленно уходит).

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же без ЩУРКОВА.

Вихров (*подымая голову*).

А где мои гости? Давай нам музыку. Аленка, валяй в присядку.

*Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота.*

Настасья Климовна.

Опомнись, Иван Петрович...

Вихров.

Прочь! Где моя подруга жизни?

Настасья Климовна.

Досталось твоей подруге-то жизни; тебя бы...

Вихров.

Меня? не смей!.. Меня грабить!.. Я загулял, а меня грабить!.. Дарья Спиридоновна, я в Марьину рощу попал, а за что они меня били? Деньги были мои... три тысячи серебром де-

нег-то было... За что они меня били?..

Все.

Кто же тебя бил-то?

Вихров.

Все меня били!.. Тимошка, ты хочешь лошадь пропить, потому хозяин этого чувствовать не может... Врешь!.. Меня ограбили!.. Меня ядом напоили, я помереть должен!.. Я пропащий человек! За что они меня били?.. Цыганка... она меня у... уду.... удушить хотела!.. За что они меня били?

(Опускает голову на стол).

Дарья Спиридоновна.

Должно быть, сестрица, и впрям его опутали.

Настасья Климовна.

За что же они его били то?

Амосович.

Такая уж компания... пьющая!

Дарья Спиридоновна.

Да ничего, сестрица. С моим покойником часто бывали такие оказии-то. Пройдет!

Примечания

1

*Городовыми называются иногородние купцы в
Москве.*

[^^^]